

В.Н. Зарытовская
**Путешествие мусульманина
по утопиям: «Путешествие
Ибн Фаттумы» Нагиба Махфуза**

Среди произведений арабского нобелевского лауреата великого египетского писателя Нагиба Махфуза роман رحلة ابن فطومة (в английском переводе “The Journey of Ibn Fattouma”, в русском — «Путешествие Ибн Фаттумы») занимает особое место. По времени создания (1983 г.) текст относится к периоду жизненной и творческой зрелости автора, но вместе с тем он мало известен неарабскому читателю и практически не исследован мировой литературной критикой. Возможно, роман «Путешествие ибн Фаттумы» был не сразу востребован европейским и русским читателем, потому что в нем Махфуз уходит от европейской формы романа, возвращаясь к традиционному арабскому нарративу, и отказывается от метода социального реализма в описании современного ему арабского общества, наполняя произведение ассоциациями и метафорами.

Роман подражает заметкам знаменитого средневекового арабского путешественника Ибн Баттуты (сходство имен очевидное и неслучайное), который из любознательности описывал все, что представлялось ему замечательным в чужих землях из самых разных областей жизни. Сочинение же Махфуза — дневник путешественника из страны Ислам, пустившегося в странствие по свету в поисках совершенства. Герой записывает размышления о познанных им неисламских государствах — их религии, нравах, общественном устройстве, отношениях мужчины и женщины. Перед нами глазами мусульманина одна за другой предстают аллегории пройденных человечеством и современных общественных систем — языческий племенной строй, западная капиталистическая демократия с западной моделью ислама, страна всеобщего равенства с социалистическим строем и т.д. Думается, что роман, в котором отражен взгляд мусульманина на неисламские общественные устройства и религиозные системы, должен вызвать неподдельный интерес не только ценителей арабской литературы, но и того, кто

исповедует ислам, для кого важно осмыслить место мусульман в современной цивилизации.

Имя героя — Кандиль ибн Фаттума, «сын Фаттумы». Это очень необычное прозвище для арабского слуха, имеющее в том числе оскорбительную трактовку, потому что после «ибн» всегда идет имя отца, а не матери. Сводные братья Кандиля называли его так, чтобы бросить тень на честь его матери. Однако у этого прозвища есть и другой смысл, из-за которого оно и попало в название романа: оно напоминает о любви Кандиля к матери и к родине, о которых он с тоской вспоминает, путешествуя по чужбине.

Кандиль ибн Фаттума рос с искренней верой в сердце, любя дом и родину — страну Ислам. Однако он не находит в ней счастья. Мать, оставшись вдовой, выходит замуж повторно, Кандиль с огромным трудом смиряется с этим событием. Одновременно невесту самого Кандиля забирает в свой гарем стражник Султана. Но не только обстоятельства личной жизни взбудоражили Кандиля. Другое стало не давать ему покоя, когда он возмужал и приступил к изучению наук, в том числе религиозных. Он недоуменно спрашивает своего учителя-шейха: почему в стране Ислам царят несправедливость, бедность и безразличие? Между ними происходит следующий разговор:

«— Если ислам таков, как вы говорите, то почему на улицах полно нищих и невежд?

— Сегодня ислам загнан и заперт в стенах мечетей, — с сожалением ответил он.

Шейх говорил долго, камня на камне не оставляя от сегодняшней нашей жизни, даже Султан не избежал его гнева.

— Получается, в нас вселился дьявол, а не Божественное Откровение? — сказал я...

Все казалось мрачным, от самого незначительного человека... вплоть до Султана, не говоря уже о тех, которых следовало смыть потоком, чтобы дать место новому, чистому миру» [Махфуз, 2009, с. 17].

Таким образом герой приходит к осознанию некоторого несоответствия идеалов ислама и их воплощения несовершенным человеком на своей исламской родине. Подавленный и разочарованный, Кандиль ищет спасения в мечте, которая заполнила бы его всего, и решает добраться до легендарной страны Габаль, Царства Совершенства, о котором он услышал от учителя, и вернуться на свою больную родину с исцеляющим лекарством. По пути ему предстоит оценить совершенство других верований и обществ.

Первая страна, куда приводит героя дорога — земля Машрик (букв. «место восхода», намек на зарю человеческой цивилизации). Эту страну населяет языческий народ, поклоняющийся богу луны и рабски подчиняющийся нескольким господам. Здесь царит матриархат.

«— ... В каждом из городов есть свой господин, во владении которого пастбища, скот, пастухи. Население — рабы, подчиняющиеся воле господ и получающие взамен скудное пропитание и безопасность...»

В этой стране Кандиль находит жену и в семейном благополучии почти забывает о цели своего путешествия, но за то, что он пытается воспитать детей в исламе, его выслают за пределы Машрика.

Ибн Фатгума сначала потрясен невежеством жителей Машрика, потом с сожалением признает, что жители его родины не превосходят морально население Машрика. Например, вопрос: «Значит ли что-то ваше пресловутое братство в реальных отношениях между людьми?» — заставляет его вспомнить всю несправедливость собственной судьбы, вызывает обиду, но в то же время ставит в тупик.

И еще больнее Кандилю от осознания того, что в его стране люди не следуют данному им свыше, а жителям Машрика, которым не дано было Божественное Откровение, он прощает их невежество. От мусульман, узнавших о Божественном Откровении, он ожидает более высокого морального примера, чем от язычников, и их грех отступничества от собственной религии тяжел.

«Господа сродни землевладельцам нашей страны, но разница все-таки есть — их отличает разная степень невежества. В любом случае наш грех в стране Откровения ужаснее, чем у остальных народов» [Там же, с. 31].

Следующая земля, куда героя приводят жизненные перепитии — страна Хира (букв. «неразбериха, замешательство»), воплощающая темное средневековье. Вот что поведал ему один из жителей об общественном устройстве Хиры и его правителе, возведем себя до ранга божества:

«— Это он собрал армию и поставил во главе ее полководцев, приносящих победы. Из членов своей священной семьи он назначает правителей, из элиты назначает управляющих для работ на полях и производствах. Остальные не имеют святости, не обладают талантами и занимаются физическим трудом... Ниже их стоят животные...» [Там же, с. 66].

Такое богохульство правителя и унижение простого народа вызывает ужас Кандиля, но после глубоких раздумий он восклицает:

«— Кто хуже, учитель, тот, кто называется богом по невежеству, или тот, кто искажает Коран в своих корыстных интересах?» [Там же, с. 68].

После Ибн Фатгума останавливается в Земле Хаяльб, стране Свободы — аллегории западной капиталистической демократии, потрясающей своей инженерной мыслью и материальными благами. Услышав на ее земле азан впервые за последние двадцать лет путешествия, Кандиль бросается с радостью в сердце на его звук в мечеть помолиться. Однако первоначальное очарование рассеивается, когда герой из бесед с местными священнослужителями понимает, что их социальная

жизнь лишена моральной основы, а свобода имеет оборотную сторону. Возводя свободу в абсолют, им приходится признавать права сексуальных меньшинств и охранять их от гнева граждан, подчиняться воле правителей-язычников, смотреть на наготу и многое другое, что не может принять правоверный мусульманин.

Свобода, не ограниченная ни нравственностью, ни состраданием, свобода, которая ставится выше этих понятий, выливается в агрессивные действия против других народов под предлогом их освобождения. Халяб собирает армию для того, чтобы осчастливить на свой лад жителей Хиры и Амана. Нельзя не сказать здесь о том, что в этих строках Махфуза, написанных в 1983 г., нам слышатся недавние выступления американских политиков. А так называемая «бесплотная» техника Махфуза (скудность деталей быта, исключение историзмов и архаизмов из словаря и другие приемы) заставляет читателя утратить пространственные и временные ориентиры, отчего иллюзия сегодняшнего дня только усиливается:

«— Вы как будто приветствуете войну?

Он дал прямой ответ:

— В том случае, если она даст больше свобод. Я на долю секунды не сомневаюсь в том, что наша победа над Хирой и Аманом принесет счастье их народам» [Там же, с. 105].

Ибн Фаттума, едва сдерживая возмущение, спрашивает местного имама:

«— Если бы Пророк (да благословит его Аллах и приветствует) воскрес сегодня, не осудил бы он эту сторону вашего ислама?..

Он ответил вопросом на вопрос:

— Если бы Пророк (да благословит его Аллах и приветствует) воскрес сегодня, не осудил бы он ваш ислам от начала до конца?» [Там же, с. 93].

И герой снова замолкает.

Особенно интересно русскому читателю описание страны Аман (букв. «страны безопасности»), где народ, победивший в долгой и жестокой гражданской войне, построил огромный Суд Истории и приговорил к смерти своих врагов — владельцев земель и фабрик, чинивших произвол. Здесь нет безработных, нет бедных и нет богатых, но за это заплачено утратой индивидуальности, серостью, несвободой.

«— Смотри, все дома одинаковы. Нет дворцов, нет особняков, нет домов побольше или поменьше. Разница в заработках незначительна. Все равны, кроме тех, кто отличились в работе. Самой маленькой зарплаты достаточно, чтобы уважаемый человек имел жилье, мог прокормиться, одеться, выучиться, посещать культурные заведения и развлекаться» [Там же, с. 126].

Однако восхищение мусульманина вдруг сменяется ужасом: индивидуальная свобода карается смертью, полномочия главы государства безграничны, а история страны наполнена кровью. Герой впадает

в отчаяние: «Разве история ислама в нашем государстве не знала крови и страданий? Чего надо людям?» [Там же, с. 127].

Следующая остановка — Гуруб (букв. «страна Заката») — транзитная зона, не имеющая параллелей в реальном мире. Сюда стекают люди всех национальностей, чтобы заниматься духовной практикой. Так они готовят себя к переходу в страну Габаль.

Страна Габаль (досл. «гора») упоминается на протяжении всего романа-пути как идеальное мистическое место, расположенное высоко на горе. Более о ней не сказано ничего, потому что о ней ничего неизвестно. Из Габаля никогда не приходили вести, не прибывали послы и не возвращались путники, страна эта оставалась под завесой тайны.

Страна Габаль — вечная мечта человечества о совершенстве, мечта-призрак. Когда человеку кажется, что она близко, оказывается, что ему нужно пройти еще длинный путь. Вот описание того, как герой движется к этой заветной цели:

«У нас захватывало дух — настолько мы спешили отправиться в путь! Караван начал спуск по склону горы, и через две недели мы достигли границы пустыни. Меня удивило, что раскинувшаяся перед нами пустыня оказалась бескрайней... Озадаченные обманом зрения, мы убедились, что должны пройти дни и недели, прежде чем мы достигнем другой горы, на вершине которой и располагалась страна Габаль» [Там же, с. 157].

И вот Ибн Фаттума стоит у подножия этой горы, ему предстоит трудное восхождение пешком по узкой тропе. Достигнет ли он своей цели, мы не знаем. На этом его записки обрываются. Так заканчивается история героя, который пронес ислам в своем сердце от начала путешествия до его конца.

Автор не случайно лишает роман развязки. Само совершенство, говорит он, принадлежит Всевышнему, а мы, пройдя через все испытания, истратив силы в поисках и потеряв годы в скитаниях, достигаем лишь его подножия. И путь к нему далек и труден, более, чем нам представлялось вначале.

Тема религии оказалась, как известно, фатальной для писателя. Нагиб Махфуз был искренним адептом ислама, но в его творчестве было слишком много той самой внутренней свободы, которая всегда раздражает некоторых фундаменталистов и государственников, даже если служит средством выражения самой искренней любви к родине [Корнейчук, 2010]. Будучи мусульманином, Махфуз выражал недоверие фундаменталистам. Уже в 1959 г. своим романом-аллегорией «Ауляд харитна» («Предания нашей улицы» в превосходном русском переводе В.Н. Кирпиченко) он вызвал их возмущение. Позже один из них заявил: «Если бы мы правильно поступили с Махфузом, как полагается в исламе, наш мир не постигло бы явление Салмана Рушди. Убей мы Махфуза, он бы не появился» [el-Epany, 1993]. Они обвинили Нагиба

Махфуза в предательстве ислама. А в 1994 г. в центре Каира на него напали исламисты-фанатики и нанесли ему ножевые ранения.

Писатель не испытывал мстительных чувств к посягавшим на его жизнь, ведь он своим пером осуждал поступки отдельных людей, причислявших себя к мусульманам, но не ислам, от которого, по мнению Махфуза, они отступили. С больничной койки он заявил тогда: «Я ощущаю лишь глубокую грусть. Мне хотелось бы объяснить этим людям, что ислам никогда не был религией убийства и агрессии».

Так и в романе «Путешествие Ибн Фаттумы» Махфуз, думается, пытался осудить не ислам и не мусульман, а несовершенство человека вообще, в какое время, в каком государстве он бы ни жил, какую бы религию он ни исповедовал. Одновременно Махфуз создает яркий, привлекательный образ мусульманина, не приемлющего невежество, разврат, лицемерие, кровь, честно, критически относящегося к действительности и не закрывающего глаза на язвы общества, и эту заслугу перед мусульманским сообществом нельзя не признавать за писателем.

Роман, несомненно, говорит о современном Махфузу Египте, и в нем ощущается тревога писателя за судьбу своего народа. В «Путешествии...» видна сильная гражданская позиция Махфуза, его ориентация на цели национального возрождения, стремление пробудить дремлющее сознание масс, помочь осознать мусульманам свое место в мире, сохранив уникальность своей культуры и религии.

Роман помогает понять роль ислама в истории, по-другому взглянуть на общество, в котором мы живем, заставляет задуматься о том, как далеки от совершенства все окружающие нас общественные системы, если мы не следуем заветам Божественного откровения.

Источники и литература

- Корнейчук, 2010 — *Корнейчук Ю.* Путешествие длиною в жизнь. Арабская постмодернистская Одиссея от первого лица // Независимая газета. 22.07.2010.
- Махфуз, 2009 — *Нагиб Махфуз.* Путешествие Ибн Фаттумы / Пер. с арабского В. Зарытовской. М., 2009.
- Milson, 1998 — *Milson M. Najib Mahfuz: The Novelist-Philosopher of Cairo.* N.Y.: St. Martin's Press, 1998.
- el-Enany, 1993 — *Rasheed el-Enany.* Book Review. Modern Cures in an Antique Mould: The Journey of Ibn Fattouma — Naguib Mahfouz // The Independent. 30.01.1993.